

A romantic scene set in a cozy, rustic cabin. A man with dark, wavy hair and a light beard, wearing a dark blue velvet jacket with gold embroidery, leans over a woman. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a white lace dress with gold accents and a small necklace. She is resting her chin on her hand, looking directly at the camera. In the background, a large fireplace with a warm fire is visible on the left, and a large arched window on the right shows a snowy mountain range under a blue sky. The room is decorated with pine branches and red berries. A candelabra with lit candles is on the right, and a lantern is in the foreground. The overall atmosphere is warm and intimate.

ЕЛЕНА ЭЙХЕН

ДРУГОЙ
МУЖ
АННЫ

Елена Эйхен

Другой муж Анны

<https://litres.ru/73592511>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды, заснув, я оказалась в странном мире, где у меня есть муж с таким же лицом, как в реальной жизни, но совершенно другим характером, и даже сын. Но вот беда — муж меня ненавидит, и я не понимаю почему. С тех пор я каждую ночь возвращалась туда, пока в один момент не застряла окончательно. Теперь я должна разобраться с тем, что происходит, и найти способ вернуться домой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	52
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Елена Эйхен

Другой муж Анны

Глава 1

Светофор мигнул зеленым, и я шагнула на дорогу. Все произошло мгновенно: визжа тормозами и поднимая облако снега, из ниоткуда вынырнул мотоцикл. Я инстинктивно отступила, но боковое зеркало задело старенькую сумку, вырвав ее из рук. Потеряв равновесие, я не успела опомниться, как врезалась лицом в сугроб.

– Совсем с ума сошел?! – выкрикнула я, поднимаясь на ноги и отплевываясь от снега. Вокруг все словно изменилось: за то мгновение, что я лежала в сугробе, небо заволокло тучами, а в воздухе закружились огромные, пушистые хлопья снега.

Мотоцикл остановился поодаль, и водитель, будто нехотя, слез с него и, не торопясь, приблизился. Черная кожаная куртка с серебристыми узорами. Перчатки с узкими металлическими пластинами. Мужчина был одет явно не по погоде. Он медленно снял шлем, и сердце ухнуло куда-то вниз. Мой муж... Только какой-то чужой... Лицо – его и не его одновременно. По спине пробежал холодок.

Ухоженный, красивый. Взгляд обжигал ледяной яростью.

Но что-то не сходилось... Это сон? Галлюцинация? Я ущипнула себя – больно.

Внезапный порыв ветра ударил в лицо, снег закружился в безумном танце, и я покачнулась, потеряв равновесие, а в следующее мгновение почувствовала его руку на локте.

– Стоять можешь? – бросил он сухо.

Я застыла. Его хватка была жесткой. Я не чувствовала знакомой теплоты, и само прикосновение казалось чужим, но таким... что по коже пробежал электрический ток. Ноги подкосились, дыхание стало рваным.

– Спасибо, – сказала я растерянно.

– Не благодари, – пророкотал он, отпуская меня и отводя колючий взгляд. – Дурацкая привычка – подхватывать тебя.

– Но...

– Ты откуда здесь? – перебил он. В голосе вибрировала сталь.

Я открыла рот, пытаюсь что-то сказать, но язык словно прирос к небу. Откуда здесь я? А откуда здесь он? Не прошло и получаса, как я оставила его дома за компьютером.

– А ты? – наконец прошептала я.

Он посмотрел на меня, как на досадную помеху.

– Опять за свое? Решила устроить шоу прямо на дороге?

– Не понимаю... – голос дрогнул.

Он наклонился ближе. Его взгляд, обжигая ледяной холодностью, завораживал своей глубиной. Необъяснимая магнетическая сила не позволяла отвести глаза.

– Сколько на этот раз? Или я должен сам угадать?

Я отступила, всматриваясь в его лицо.

– Ты... о чем?

Он усмехнулся.

– Конечно. Впрочем, ты и раньше так делала. Зачем только я... – он осекся, внезапно отвернувшись.

Казалось, я попала в какой-то сюрреалистический кошмар. Голова шла кругом.

– Что это ты надела? Пытаешься вызвать жалость? – он прищурился.

Я застыла, не в силах поверить своим ушам. Все казалось абсурдным и нелепым, как дурной сон. Он, будто не замечая моего состояния, вынул из кармана несколько купюр.

– Держи, – небрежно сунул деньги мне в открытую сумку, словно ненужный мусор. – Лечи свои колени, Анна. Ты могла пострадать... так что, не усложняй все еще больше. И купи что-нибудь приличное из одежды, не позорь меня.

Его губы искривила усмешка, наполненная презрением и... болью?

– В следующий раз отправляй поверенного, – бросил он через плечо, а затем, замерев на мгновение, добавил: – Сына бы навестила.

Я тряхнула головой, скидывая морок. Что он несет? Анна? Деньги? Сын? С каких пор я стала Анной? Столько лет была Анькой, а тут... А вот про сына – это уже удар ниже пояса! Поиздеваться решил? Знает ведь, сколько раз обсле-

довалась, а беременность все не наступает. И мать его уже всю душу вынула упреками.

На глаза навернулись слезы. Совсем довел. Опять гастрит разыграется. И эти деньги... Вот же! Месяцами ничего не приносит, а теперь строит из себя благодетеля. Да и откуда у него деньги, интересно? Ведь сидит без работы.

Вынула купюры из сумки. Взгляд зацепился за что-то странное. Разноцветные бумажки. Не настоящие. Теперь все ясно.

Злость захлестнула, обожгла, заставив действовать. Я решительно приблизилась, сунула фальшивку обратно в его карман и встретила его искренне удивленный взгляд. Никогда раньше не замечала за ним таких актерских способностей.

– Себе оставь, – бросила я, глядя ему прямо в глаза. – Голову лечить – дорогое удовольствие.

Он усмехнулся. Не сказав больше ни слова, надел шлем и завел мотоцикл. Рев мотора разорвал тишину, и он резко сорвался с места, оставив меня стоять посреди улицы с растрепанными волосами и мыслями. Я смотрела ему вслед, пока он не исчез за поворотом, не в силах понять, что только что произошло.

Ощущение сна не отпускало весь день. Но, вернувшись домой, я поняла, что все стало еще страннее.

Муж сидел на диване, уткнувшись в телефон. Он выглядел усталым, лохматым, помятым – таким, каким я привык-

ла его видеть.

– Поесть принесла? – бросил он, не отрываясь от экрана.

Я вглядывалась в него, пытаюсь найти хоть что-то общее с другим, утренним мужем. Те же черты лица, тот же голос... но взгляд. Взгляд казался совершенно другим. Где та уверенность, ледяная холодность и даже ярость, что я видела утром? Наваждение? Или мой разум решил сыграть со мной злую шутку?

– А сам почему не купил? – вернула я вопрос, а потом добавила: – Когда разъезжал на модном мотоцикле, не хватило ума в магазин заглянуть? Что за знакомые у тебя такие щедрые? Разобьешь – чем выплачивать будем?

Он все-таки поднял глаза от телефона и нахмурился.

– Анька, ты вообще в порядке? Это еще что за бред?

Вот теперь узнаю своего мужа.

– Забыл, как сбил меня на переходе? – бросила я, чувствуя себя ненормальной.

Его лицо вытянулось от удивления. Несколько секунд он просто молчал.

– Ты слышишь себя? – Он рассмеялся. – Может, к врачу сходишь? У тебя явно проблемы с головой. Ты же педиатр. Легко найдешь хорошего специалиста для своей головы.

Я ничего не ответила. Бросила на кухонный стол пакет с продуктами и отправилась в душ, а затем в кровать. Пусть готовит сам или маму попросит.

Ночью мне снились странные сны, каким-то мистическим

образом связанные с утренним происшествием. Я шла по белой, безмолвной пустоте. Раздался голос. Детский голос. Он звал меня: «Мама...» Я обернулась – никого. Черная кожаная куртка мелькнула где-то сбоку, и я бросилась за ней, но она тут же исчезла, словно растворилась в воздухе. Я попыталась окликнуть, но голос пропал, да и кого звать я не знала.

Проснулась в холодном поту и с щемящей тоской в груди и больше этой ночью не засыпала.

Глава 2

Утро выдалось прохладным, но ясным, с тонкой россыпью инея на деревьях и редкими облаками, стыдливо укрывшимися за крышами дальних домов. Как бы ни хотелось остаться под теплым одеялом после беспокойной ночи, реальность диктовала свои правила. Уже через час я, кутаясь в шарф, пробиралась в переполненной маршрутке сквозь густую паутину утренних пробок. Город оживал.

За тот год, что я проработала в диагностическом центре, успела привыкнуть к медицинской рутине: осмотры, диагнозы, родительское ворчание из-за длинной очереди, и, конечно, детские глаза, полные любопытства и доверия. Уже к обеду я напрочь позабыла и о странном происшествии вчерашнего утра, и о кошмарах, мучивших прошлой ночью, и даже о зловредной тираде свекрови, с утра пораньше забежавшей на огонек.

Сразу с порога запела любимую арию: «Повезло так повезло». Конечно, это обо мне. Вернее, о том, как ее драгоценному сыну «не повезло» со мной. Мы поженились сразу после университета, когда обоим еще казалось, что впереди – великое будущее. Пять лет пролетели, как один миг: я тонула в ординатуре, а он все глубже уходил под воды виртуального мира.

За это время нервы у меня окончательно сдали, уступив

место пустоте, которая медленно, но верно покрывалась толстым слоем равнодушия и усталости. Так почему я до сих пор не вырвалась из этого болота? Любовь? Привычка? Наверное, это странная, вязкая смесь того и другого – которая затягивает медленно, но верно, как трясина. Сначала ты сопротивляешься, пытаешься выбраться, но со временем усталость берет свое, и ты просто перестаешь замечать, как глубоко и прочно увяз.

Мы стали такими далекими друг от друга, что расстояние казалось непреодолимым. Недели молчания, словно бездна. Все чаще я ловила себя на мысли, что на работе отдыхаю, дышу полной грудью, становлюсь собой. Здесь, в больнице, жизнь текла размеренно, как река, и приносила теплое чувство наполненности. Я бесконечно любила своих юных пациентов.

– Анна Сергеевна, у вас там... Ну, вы посмотрите сами, – голос медсестры был сдержан, но в глазах плясали веселые искорки.

Зайдя в кабинет, я увидела подростка лет четырнадцати с густой копной русых волос. Он сидел на кушетке и явно чувствовал себя не в своей тарелке, но старательно делал вид, что ему все равно. Его рука покоилась на телефоне, а взгляд то и дело цеплялся за плакат с анатомией человека, словно это была самая интересная вещь в мире.

– Доброе утро. Что у нас случилось? – спросила я, улыбаясь.

– Да так, ничего... – пробормотал он, посмотрев куда-то в сторону.

Мать, стоявшая рядом, закатила глаза.

– «Ничего», ага. Он решил, что нормально гонять на велосипеде по лестнице. Говорит, так быстрее до школы. Ну да, быстрее, если в больницу не заезжать!

Я кивнула, стараясь сдержать улыбку.

– Ну что ж, посмотрим. Как тебя зовут?

– Тимур, – отозвался он, бросив на меня короткий взгляд.

Я аккуратно сняла повязку и осмотрела его ногу.

– У тебя талант находить приключения, – сказала я, приподняв бровь. – С мамой не поспоришь: зимой на велосипеде действительно лучше не ездить.

Он чуть смутился, но все-таки хмыкнул и, кажется, даже почувствовал себя героем дня.

– А вы типа все знаете, да?

– Стараюсь, – подмигнула я. – Это часть моей работы.

– Ну да... Вы, наверное, даже медведя уговорите лапу вам дать, если надо, – пробормотал он, при этом глядя на меня чуть хитровато.

Мать не удержалась и рассмеялась. Я же, ловя его настроение, подыграла:

– Медведь пока не заходил, но кто знает, может, он следующий в очереди.

Когда все было закончено, Тимур поднялся с кушетки. Он немного потоптался на месте, очевидно, собираясь что-

то сказать, и, наконец, пробормотал:

– Ну... Спасибо.

– Пожалуйста, Тимур. Удачи тебе и помни: лестницы – не трасса для гонок.

Он смущенно улыбнулся и, прежде чем выйти из кабинета, оглянулся еще раз, как будто хотел что-то сказать, но потом передумал. Я посмотрела в окно на нарядный город, который готовился к Новому году, и в который раз подумала: эта работа – то, ради чего стоит жить.

А ночью... снова вернулись странные сны. Образы, зыбкие и тревожные, мчались один за другим, как призраки, расплываясь яркими пятнами и закручиваясь в спирали. Все вокруг скрежетало, казалось, реальность трещала по швам, и сверкающие трещины нарастали, растекаясь в тумане, теряясь в бездне. Я пыталась проснуться, но тело не поддавалось, как будто его и вовсе не было. И когда, наконец, удалось открыть глаза, я поняла – это все еще сон.

Я поежилась – в комнате было прохладно, как будто отопление едва работало. Почему так холодно? И почему наша спальня выглядит иначе? Подождите... наша спальня? Когда мы успели сделать такой шикарный ремонт?

Тряхнула головой, стараясь избавиться от наваждения, но оно не исчезло. Взгляд скользнул по массивным деревянным балкам под потолком, по резным шкафам, будто сошедшим со страниц мебельного каталога, по огромной кровати с ко-

ванным изголовьем и роскошным балдахином, который мягко колыхался от легкого сквозняка. Свет нежно пробивался сквозь тонкие, почти воздушные занавески. Все это напоминало идеальную картинку из журнала о средиземноморских виллах.

Я провела рукой по простыням – ткань была тщательно накрахмалена. В воздухе витал тонкий аромат лаванды.

Что это? Где я?

Я села, оглядываясь, пытаюсь найти хоть что-то знакомое, хоть один намек на реальность. Голова немного закружилась от резкого движения.

– Эдик? – позвала я дрожащим голосом.

Дверь внезапно распахнулась, и в комнату вихрем влетела девушка. Ее простое платье напоминало деревенскую одежду из далекого прошлого, с тонкими кружевами по краю рукавов и юбки. Но, если приглядеться, ткань выглядела современно – будто кто-то соединил две эпохи в одном образе.

Ее лицо сияло, щеки горели легким румянцем, а глаза блестяли так, словно она ждала этого момента всю свою жизнь. Голос девушки прозвучал радостно, искренне, обволакивая комнату теплом:

– Наконец-то вы проснулись! – выкрикнула она. – Сейчас я всех позову!

Мелькнул край ее юбки, и девушка исчезла так же внезапно, как и появилась. Из коридора донесся ее голосок, звонкий, как ручей.

Вскоре девушка вернулась, но в этот раз она была не одна. За ней в комнату вошли еще двое, и у меня перехватило дыхание.

Мои родители.

Но что-то было не так. Это действительно были они: их лица, их улыбки, их теплые взгляды. Однако... они выглядели совершенно иначе.

Отец был облачен в странную одежду, напоминающую дворянский костюм из исторических фильмов. Строгий сюртук с высокой стойкой, широкий пояс, аккуратно облегающий талию, и высокие кожаные сапоги, но как и у девушки, все это было сделано из какого-то современного материала.

Мама выглядела не менее необычно. Ее длинное платье с изящной вышивкой переливалось на свету, будто ткань жила собственной жизнью. Легкая сетка на рукавах и воротнике добавляла образу воздушности. В ее облике сквозило что-то величественное.

Они остановились рядом с кроватью. Глядя с тревогой, мама мягко улыбалась. Папа стоял позади нее, а его взгляд пронизывал до самых костей. Ну, хоть что-то привычное.

– Ты как себя чувствуешь, милая? – наконец спросила мама, напряженно рассматривая мое лицо.

Я хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Все происходящее казалось таким невероятным, что я лишь смогла выдавить:

– Что здесь происходит?

Мама мягко дотронулась до моего лба, проверяя, нет ли температуры, затем взяла руки и внимательно осмотрела их, словно искала подтверждение каким-то своим мыслям.

– Ну и натворила дел! – внезапно гроыхнул отец. Глаза нарочито сердито сузились, но я ясно видела, как он с тревогой ждет, когда мама закончит осмотр. – Опозорила нашу семью перед всем городом! Перед самим королем!

– Уймись, отец, – резко оборвала мама, бросив в его сторону строгий взгляд. – Наша девочка, наконец, пришла в себя.

– Уж и не думали, что проснетесь! – неожиданно вставила девушка.

– Цыц! – шикнула на нее мама, толкнув локтем. – Не призывай беду!

Отец явно не собирался успокаиваться. Его нахмуренные брови и напряженная челюсть говорили о том, что внутри него кипит негодование.

– Теперь придется идти и извиняться, – проворчал он. – Ты хоть понимаешь, что сделала?

– Что я сделала? – выдохнула я, чувствуя, что еще немного, и сойду с ума, если кто-нибудь не объяснит мне, что происходит. Голова кружилась от избытка странной информации, мысли хаотично скакали, не давая зацепиться за что-то понятное. Окружающие фигуры сливались в причудливую фантазмагорию – странное сочетание реальности и наваждения.

– Объясните мне, – вырвалось у меня, и я не узнала собственного голоса. Он был хриплым. – Что здесь происходит? Где я?

На мгновение все замерли. Девушка нервно покосилась на родителей, словно не знала, стоит ли ей что-то добавить. Мама тяжело вздохнула, а отец, казалось, едва сдерживался, чтобы не закричать.

– Ты действительно ничего не помнишь? – наконец спросила мама, ее голос звучал с укором, но вместе с тем в нем была тревога.

Я покачала головой, чувствуя, как в горле застрял ком.

– Да что же это! – отец поднял глаза к потолку, как будто кто-то там мог ответить на его воззвание.

Мама бросила еще один укоризненный взгляд на отца и тут же начала поправлять мои растрепавшиеся волосы, аккуратно разглаживать складки на длинной ночной рубашке, в которую я была одета.

– Тише, тише, не надо на нее так, она ведь только очнулась, – увещевала она. – Анна, дорогая, главное – все исправить. Ты просто пойдешь к мужу и попросишь прощения. Больше ничего не потребуется.

Я застыла, чувствуя, как внутри поднимается волна возмущения.

– Это еще за что? – вырвалось у меня. – У кого я должна прощения просить?

– У твоего мужа, конечно же! – мама всплеснула руками,

ее голос стал почти умоляющим. – Эйдан ждет тебя в вашем доме. И не забывай: он – сын короля. Мы не можем потерять лицо!

– А это еще что? – случайно взглянув на свою руку, я заметила татуировку между плечом и локтем. Изображение Эдика? Неужели я из ума выжила?

Мама закатила глаза.

Я уставилась на нее, не в силах произнести ни слова. Эйдан? Сын короля? Татуировка... Все это звучало как бред или дурной сон. Точно! Это сон! Удивившись, как не подумала об этом раньше, вздохнула с облегчением.

Вскоре я уже стояла на ногах, чувствуя себя не человеком, а живым манекеном, на который поочередно натягивают что-то совершенно чуждое. Девушка – Агата, как я успела узнать – сосредоточенно расчесывала мои волосы, время от времени перехватывая их лентой. Мама кружила по комнате, как бабочка, с оживлением перебирая украшения и оценивающе глядя то на меня, то на сверкающие драгоценности в ее руках.

– Это слишком массивное, – бормотала она себе под нос, откладывая в сторону одно кольцо за другим. – А это... нет, слишком скромно.

Тяжелое платье с богатой вышивкой, которое мне все-таки пришлось надеть, давило на плечи, прижимая меня к земле, а рукава предательски стесняли движения. Высокие сапоги натирали икры.

– Вот это идеально, – внезапно решила мама, нацепив на меня громоздкое кольцо.

Я посмотрела на себя в зеркало и едва сдержала гримасу. Украшение выглядело словно из царских сокровищниц – огромное, блестящее, но совершенно не нравилось мне.

– Прелесть, правда? – мама посмотрела на меня с таким воодушевлением, что я молча кивнула. Мама всегда была со-рокой.

Наконец, меня приготовили к выходу. Тело казалось чужим, движения – деревянными, а образ в зеркале будто принадлежал кому-то другому.

К моему огромному сожалению, прежде чем я успела очнуться в реальном мире, мы с Агатой уже вышли из дома и направились в дом моего мужа. А я все гадала: неужели увижу там Эдика, и он действительно окажется сыном короля?

Улочки с яркими, разноцветными домиками казались живыми картинками. Повсюду лежал снег – на крышах, оградах и тротуарах, но, вопреки ожиданиям, воздух казался удивительно теплым. Как будто снег – всего лишь декорация. Город готовился к Новому году, и вокруг царила праздничная суeta: люди сновали туда-сюда, громко разговаривая и размахивая руками. Агата шла впереди, ведя меня вверх по улице, и болтала без умолку.

– Вы даже не представляете, как все рады вашему возвращению, госпожа Анна, – щебетала она, идя чуть впереди и

оборачиваясь через плечо. — Правда, все думали, что вы наказаны и сидите у бабушки в деревне. Даже господин Эйдан не знал о вашей болезни. Вы целый месяц не просыпались! Шутка ли! Конечно, теперь будет трудно наладить с ним отношения, он ведь такой суровый. Но вы ведь справитесь, правда? Он хоть и сын короля, но...

Ее голос постепенно превратился в фон, теряясь в гуле мыслей, потому что все мое внимание было приковано к окружающему. Прохожие кивали в знак приветствия — но, скорее, не мне, а Агате. На меня они глазели, скорее, с настороженностью, и я все сильнее ощущала, как во мне растет необъяснимое чувство вины. За что? Я не знала. Даже сама себя упрекала за эту глупость, ведь это всего лишь сон — яркий, странный, пугающе реалистичный. И все-таки я смеялась внутри: скоро я проснусь и, может быть, даже не вспомню об этом месте, этой болтливой девушке рядом и недоброжелательных горожанах.

Дома, украшенные светящимися гирляндами, будто сошли со страниц старой сказки. Улочки выглядели именно так, как я представляла в детских фантазиях перед сном — яркие, уютные, словно созданные для счастья. Между двумя узкими домами: зеленым и оранжевым, неожиданно открылся вид на каток. Только он был совсем необычным: вместо льда люди плавно скользили по воздуху, кружились в замысловатых пируэтах, словно танцуя в невесомости. Я не могла оторвать взгляд, завороченно наблюдая за этим чудом. Вот

бы и мне попробовать, пока я здесь. Ведь когда еще выпадет шанс? Именно теперь я испугалась: а вдруг зазвонит будильник? А вокруг столько волшебного!

– Что-то не так, госпожа Анна? – спросила Агата, заметив, что я замедлила шаг.

– Нет... все в порядке, – пробормотала я, опуская взгляд на мостовую, пытаюсь спрятать смущение. – Просто... очень красочный сон.

– Что? – Она удивленно улыбнулась, но в ее глазах промелькнуло что-то вроде любопытства.

– Да нет, все нормально, – поспешила я заверить ее, одновременно ускоряясь.

Вскоре мы добрались до большого дома, возвышавшегося на небольшом холме. Здание было раза в два больше родительского дома, с ровными белыми стенами, напоминающими греческий стиль, только венчала его круглая башенка с остроконечной крышей, будто вырванная из сказки и привезенная по заказу владельцев. Почему нет? Во сне все можно.

Ледяные скульптуры, окружавшие дом, завораживали своей красотой: мифические существа, танцующие девушки и даже дракон, раскинувший крылья. Все они выглядели так живо, что казалось, вот-вот начнут двигаться. Здесь тоже подготовка к праздникам шла полным ходом. Прозрачный лед отражал мягкий свет гирлянд, отчего скульптуры казались мерцающими кристаллами.

По периметру росли высокие ели, густые и темные, с

длинными пушистыми ветвями. Их верхушки были припорошены инеем, искрящимся в солнечных лучах, словно россыпь бриллиантов, а на ветках сидели огромные птицы, название которых я не знала. Между деревьями пролегла широкая дорожка, ведущая прямо ко входу.

Нас впустили внутрь, и я оказалась в просторной гостиной. Первое, что бросилось в глаза – мрак. Какой контраст с тем, что творится снаружи! Темные стены, покрытые тканевыми обоями с тяжелым орнаментом, вычурная, массивная мебель с глубокими резными узорами и обивкой в бордовых и черных тонах. Казалось, она хранила в себе вековую историю, но выглядело это угрюмо.

Тяжелые шторы полностью скрывали окна, не давая проникнуть дневному свету. Я даже попыталась всмотреться в зазор между отрезами ткани, чтобы убедиться, что там вообще есть окно, но безуспешно. Весь дом будто утопал в полутьме. Плотный воздух пах пылью и старым деревом, будто здесь давно не открывали окна, несмотря на то, что в доме явно работала не одна служанка. Как депрессивно...

Казалось, я попала в странную пустую оболочку, которую давно покинула жизнь.

Внезапно Агата чихнула, и я вздрогнула от неожиданности.

– Простите, аллергия, – виновато сказала она, потирая нос.

– Если бы мы были не во сне, я бы непременно помогла, –

пробормотала я, отворачиваясь. – А впрочем, жуй брокколи и заваривай крапиву. Да, и поменьше пыли! – добавила я тихо, скорее для себя. – Если еще увидимся, подумаю, чем можно помочь.

– Что? – переспросила Агата, уставившись на меня круглыми глазами, как будто я только что заявила, что прибыла с другой планеты. – Я вас сегодня не понимаю, госпожа.

Я неловко улыбнулась. Конечно, ей это могло показаться странным. Если она всего лишь часть сна, то и моя логика для нее, вероятно, звучала как абракадабра. Хотя, честно говоря, я и сама начала сомневаться: а есть ли у нее вообще своя логика? Или она существует только настолько, насколько позволяет этот странный, слишком реалистичный сон?

Внезапно мой взгляд привлек камин в дальнем углу комнаты. Он выглядел так, словно был вырезан из чистейшего льда. Завороженная, я подошла ближе, протянула руку и осторожно провела по его краю пальцем. Холодный, гладкий, как замерзшая вода.

И вдруг внутри вспыхнул огонь. Я отскочила, а сердце гулко забилося в груди.

– Испугалась? – раздался низкий, хриловатый голос у меня за спиной.

Я резко обернулась и замерла. Эдик. Да, без сомнения, это был он. И в то же время... не он. Что-то изменилось, что-то неуловимо искажало его образ. Но я сразу узнала этот взгляд. Ледяная ярость в сочетании с пугающей, почти гип-

нотической притягательностью.

Это был он. Тот самый мужчина, который сбил меня на мотоцикле.

Глава 3

Я стояла у камина, словно зачарованная, вглядываясь в пляшущие языки пламени в отражении его глаз. Глубоко дышала, пытаюсь унять волнение. Напоминала себе, что это всего лишь сон, иллюзия, которая рассеется с пробуждением.

Сердце сжималось. Он был... другим, не таким, как Эдик. Все в нем одновременно казалось знакомым и чуждым, словно разбитое зеркало, отражающее понятные образы, но в искаженном, тревожном свете. Его лицо, которое я читала, как открытую книгу, теперь напоминало безмолвную ледяную маску. Оно будило во мне противоречивые чувства: темный, вязкий страх, сковывающий дыхание, и странное, почти гипнотическое притяжение. Я застыла, неспособная пошевелиться, а его взгляд, тяжелый и пронизывающий, пробежал по моей коже электрическим разрядом, оставляя за собой болезненно-гудящий след.

– Так что, испугалась? – Его голос был низким, хрипловатым, будто сорванным от крика.

Он шагнул ближе, я отшатнулась, и мне пришлось поднять голову, чтобы не терять его из виду. Я не могла отвернуться, не могла двинуться, лишь ощущала, как спина касается холодной каменной стены.

Я изо всех сил старалась не показывать страх, но знала –

тщетно.

– Ты что, не узнала меня? – его слова проникли прямо в душу. Я ощущала их кожей. Он был так близко, что я могла почувствовать его дыхание, его темную, обволакивающую силу.

– Это... – голос предательски дрогнул. – Это сон. Это просто сон.

Он усмехнулся – как-то медленно, безрадостно. В этой усмешке было что-то болезненно знакомое, но в ней не осталось ни намека на веселость.

– Сон? – Его взгляд пронзил меня насквозь, и сердце дернулось, будто пойманное в капкан. Сам воздух вокруг стал тяжелее. – Тебе снова весело? Хочешь сказать, что это не ты стоишь передо мной, что тебя здесь нет? – Он сделал шаг вперед, а мне отступать было некуда, и я сильнее вжалась в холодную стену. – Хотелось бы... – его голос стал тише, но в этой тишине звучала опасность. – После всего, что ты сделала.

Я чувствовала его напряжение, его злость, скрытую под ледяной оболочкой.

– Я... не знаю, что я здесь делаю, – прошептала я, почти не узнавая собственный голос. – Я не знаю... Я не понимаю, почему я здесь...

Слова застряли в горле. Я никак не могла их собрать во что-то внятное.

А он все смотрел на меня.

Слишком близко.

Слишком холодно.

Слишком жарко.

Он смотрел на меня так, будто я была не человеком, а ничтожной, бесполезной пылинкой, случайно оказавшейся на его пути. В груди нарастал холод, а вместе с ним – чувство вины, хотя я даже не знала, за что. Но в его взгляде таилось что-то еще. Глубоко на самом дне этой темной бездны, мерцало нечто, отчего у меня перехватило дыхание. Что-то, что заставило сердце пропустить удар, а затем нестись в бешеном ритме.

Я не могла отвести взгляд. И он – тоже.

– Ты не знаешь, зачем вернулась? Не знаешь, как разрушила все, что у нас было? Как предала? Ты вернулась и теперь пытаешься убедить меня, что ничего не понимаешь? Что просто потерялась? Может, ты сошла с ума, Анна? – Он склонил голову, словно изучая меня. – В таком случае я помогу тебе. Отправлю в место, где ты больше не будешь вредить ни себе, ни окружающим. Как насчет просторной комнаты в дурдоме?

По спине пробежал холод. Я вздрогнула, но не смогла вымолвить ни слова. Все происходящее казалось таким странным, что я и сама уже сомневалась в собственной нормальности.

Его взгляд полыхнул. Еще мгновение – и этот огонь прорвется наружу, испепеляя все вокруг.

– Ты обманщица, – тихо процедил он. – Всегда была. Ты – всего лишь тень, Анна. Тень, что приносит боль.

Боль.

Я чувствовала ее. словно пульсирующую рану, как его злость, его отчаяние, спрятанное под маской ярости. Оно било по мне, подкашивало ноги, оставляло в груди зияющую пустоту.

Но что я сделала? Если я всего лишь сплю... Если я здесь случайно... Если... я вообще существую?

Внезапно тишину разорвал звук – легкий топот босых ног по полу. Я вздрогнула и обернулась.

Навстречу мне бежал мальчишка, не старше пяти. Светлые волосы сбились в беспорядке, круглые щеки разругались, а в глазах сияло чистое, безграничное счастье.

– Мама! – голос звенел чистым, радостным колокольчиком.

Прежде чем я успела хоть что-то сказать, он бросился ко мне, и его теплые, крепкие ручки обвили мою шею.

Тепло. Спасительное, живое. Оно хлынуло на меня, словно весенний поток смывающий холодную зимнюю стужу. Я прижала его к себе, вбирая каждой клеточкой то непередаваемое чувство нежности, которое он принес с собой. Его доверие. Его любовь. Казалось, я знала его целую вечность. И не хотела отпускать.

Он чуть отстранился, заглянул мне в лицо. И сердце сжалось от боли.

Чистый, наивный взгляд. Безоговорочная радость. Никто и никогда не встречал меня с такой искренней, ослепительной любовью.

– Мама, ты вернулась! – счастливо сказал он.

И вдруг все исчезло.

Рывок в пустоту.

Я проснулась с горящими от слез глазами, жадно глотая воздух. Сердце металось в груди, взгляд лихорадочно искал что-то в темноте комнаты.

Я дома. Наконец-то дома...

Только почему же на душе так горько?

Горло пересохло, и, с трудом сглотнув, я глубоко вздохнула, пытаюсь унять дрожь в пальцах. В ушах еще звенели отголоски сна – обрывки фраз, голос того мужчины, звук детских шагов... Я лихорадочно цеплялась за детали, будто боялась что-то упустить. Сон казался слишком реальным, слишком близким, словно он часть меня, что-то утраченное и до боли знакомое. Но это же невозможно. Я резко мотнула головой, пытаюсь стряхнуть наваждение.

Из другой комнаты раздался раздраженный крик:

– Да чтоб тебя! Опять лагает! – надрывно вопил Эдик.

Я устало вздохнула. Эдик снова был поглощен игрой, не замечая ни меня, ни того, что происходит вокруг. Нет, он и мужчина из моего сна не имели ничего общего. Совершенно. Тот был раздраженным и странным, но хотя бы живым. И

он точно видел меня, а не смотрел мимо. Наверное, это всего лишь плод моего воображения. Я просто изголодалась по вниманию... Возможно, таким мне хотелось бы видеть Эдика: сильным, решительным, вот и нафантазировала во сне... Но я осеклась, прогоняя эти мысли. Лучше бы и не видела. Жила себе тихо, не ждала от жизни ничего, а теперь... теперь в груди зародилось неясное ожидание, трепетное и тягучее, словно мне снова шестнадцать, и вот-вот случится что-то чудесное.

Посмотрела на будильник – десять утра. Пора вставать, дел полно – единственный выходной. Хотя, если честно, я бы предпочла провести его с любимыми пациентами. Вздохнув, отбросила одеяло и поднялась с кровати. Чувствовала себя разбитой, будто вместо сна я всю ночь таскала мешки с цементом. Ни намек на утреннюю свежесть – только гулкая усталость, засевшая глубоко внутри.

Половина дня пролетела в рутинных делах. Я убиралась, готовила, бегала по магазинам – все на автомате, не особо осознавая происходящее. Мысли упрямо возвращались ко сну, к тому мужчине, к его голосу, взгляду.

Около трех телефон завибрировал, высветив входящий вызов. Взглянув на экран, я сразу поняла – звонят из стационара, при котором работал наш диагностический центр.

Я быстро смахнула воду с рук, взяла телефон и поднесла его к уху.

– Анна Сергеевна. Это Катерина из травмы. Помните ме-

ня? – в голосе медсестры сквозила легкая нервозность. – Вы не могли бы подъехать? У нас тут ваш очень несговорчивый пациент. Срочная операция, а он вас требует.

Я нахмурилась.

– Кто?

– Подросток. Тимур... не помню фамилию. Сиганул через перила в подъезде, упал с приличной высоты.

Тимур... Конечно, я его помнила. Вот оболтус!

– И что мы имеем?

– Открытый перелом со смещением. Разрыв мягких тканей. И подростковый бунт.

Я вздохнула.

– А я ему зачем?

– Спросите что-нибудь попроще. Mamочка умоляет, говорит – не откажете.

Ох, на мою голову...

– Скоро буду.

Я влетела в отделение, еле переведя дыхание. Медсестры у стойки обменялись взглядами, едва скрывая улыбки.

– Где этот упрямый пациент? – выдохнула я, скидывая куртку и натягивая халат.

Катерина кивнула в сторону палаты.

– В третьей. Разыгрывает драму. Может, вы его уговорите? Мать на грани истерики.

Я вошла в палату и направилась к Тимуру, который лежал на каталке. Бледный с лихорадочно блестящими глазами, он

выглядел скорее возмущенным, чем напуганным. Губы сжались в тонкую линию, а пальцы нервно теребили одеяло.

– Тимур, ты что за представление устроил? – устало спросила я, подходя ближе.

Он скривился, но в голосе его звучало явное удовлетворение:

– Анна Сергеевна, скажите честно... эта операция мне правда нужна?

Я нахмурилась:

– Конечно. Или ты думаешь, что врачи развлекаются, назначая операции просто так?

– Нет, но... – Он сделал паузу, будто подбирая слова. – Они говорят – надо. А я хочу, чтобы вы подтвердили.

Я покачала головой:

– Странный ты. Но да, подтверждаю. У тебя открытый перелом со смещением и рваная рана. Без операции никак. Иначе заражение, неправильно сросшиеся кости... В лучшем случае будешь хропать.

– А если я не хочу?

– Об этом надо было думать раньше. Например, когда решил бегать по лестницам.

Тимур вздохнул, кивнул, будто смирившись:

– Ладно. Доверюсь вам.

Из-за двери донесся приглушенный смешок медсестер. Я сделала вид, что не слышала.

– Хороший выбор. Теперь давай без геройства. Будет

неприятно, но ты справишься.

– Знаю. Я не боюсь, – пробормотал он, скосив глаза в сторону, а потом неожиданно добавил: – У меня к вам просьба.

Я насторожилась:

– Какая?

– Можете принести мне... ну... фигурку?

Я удивленно моргнула:

– Фигурку? В смысле?

Он заерзал, поморщился и буркнул:

– Я коллекционирую. Вы же все равно не уйдете, пока я здесь? – он подмигнул.

Я взглянула на него чуть мягче. Глупая просьба? Может быть. Но если это поможет подростку справиться с тревогой – почему бы и нет?

– Хорошо, принесу.

За спиной снова раздался смешок, но я проигнорировала.

– Правда? – В глазах Тимура мелькнула радость победы.
– Там, в рюкзаке, мой телефон.

Я подошла к стулу у окна, достала телефон и передала ему. Тимур быстро что-то нашел, развернул экран ко мне:

– Вот! Я за ней торопился. Деньги тоже в рюкзаке. Там последняя осталась, а мама не соглашается уходить. Это антикварный магазин на центральной улице. Знаете?

– Знаю, – кивнула я. – А ты слушай врачей, хорошо? Магазины еще открыты, так что после всего твоя статуэтка будет ждать в палате.

– А вы? – Он прищурился. – Не сбежите? Дождетесь?

– Дождусь, так и быть, – вздохнула я.

– Обещаете? – Лукавая улыбка, озорной огонек в глазах.

Он будто заигрывал.

– Обещаю, – покачала головой. Ох уж эти подростки.

Тимур прикрыл глаза и скрестил руки на груди:

– Тогда я готов.

– Шутник, – вздохнула я.

Когда я вышла из палаты, его мать, невысокая женщина с уставшими глазами, шагнула ко мне:

– Анна Сергеевна, спасибо вам. И простите за него. Он у меня сложный... и дурной...

Я только махнула рукой:

– Все будет хорошо.

Я вышла из больницы, поежилась, натянула куртку плотнее и сунула руки в карманы. На улице уже стемнело. Декабрь диктовал свои правила.

Фигурка... Фотографию я сохранила, дорогу знала.

До антикварного добралась быстро, показала продавцу снимок, и вскоре заветная фигурка уже лежала в сумке, ожидая встречи с хозяином.

Я ступила на пешеходный переход.

Резкая вспышка света.

Визг тормозов.

Рывок. Боль. Провал.

Темнота...

Открыла глаза.

Я снова была там – в своем странном сне.

Глава 4

Я очнулась в уже знакомой спальне родительского дома. Те же балки на потолке, тот же шкаф, та же кровать – все, как в прошлый раз.

– Наконец-то вы проснулись! – раздался встревоженный голос Агаты.

Я повернула голову и встретила с ней глазами.

– Нужно скорее собирать вещи, госпожа Анна.

– Какие вещи? – Голос прозвучал хрипло. В голове – тяжесть. – Что происходит?

Агата нахмурилась, затем осторожно коснулась моего лба, словно проверяя температуру.

– Наверное, из-за болезни... – пробормотала она. – Вы потеряли сознание и, кажется, до сих пор не пришли в норму.

Я ничего не понимала. Болезнь? Потеряла сознание? В памяти зияла пустота, пугающая, бездонная. И вдруг воспоминания нахлынули волной. Тимура увезли на операцию. Я побежала за статуэткой... и... Машина. Удар. Темнота. Нет! Что со мной теперь? Я умерла? Сплю? Но как можно спать посреди дороги? Значит, это что-то другое. А если мне снится сон, то я все-таки жива... или нет?

Без сознания? Операция? Кома? Вопросы сыпались без остановки, смешиваясь с хаосом мыслей. Я вцепилась в кожу на руке и больно ущипнула себя. Вскрикнула. Но не просну-

лась.

– Что вы делаете?! – всполошилась Агата, подскакивая ко мне и перехватывая руку. – У вас же синяки останутся! – Она покачала головой, тяжело вздохнула, а затем, внимательно наблюдая за моей реакцией, добавила: – Господин Эйдан разрешил вам вернуться.

Я моргнула, не понимая, к чему она клонит.

– Нужно оставаться красивой, – мечтательно протянула Агата, – чтобы он не выдержал и все простил.

В ее голосе звучала теплая надежда, но почти сразу лицо омрачилось.

– Только... вы больше не можете быть его женой. Вы помните это?

Я замотала головой. Как я могу что-то помнить, если этого не было?

Агата вновь вздохнула, но теперь устало.

– Это все ради сына, – сказала она мягче. – Тео буквально вцепился в ваш подол и вынудил господина Эйдана вас вернуть. Такую драму устроил...

Она коротко усмехнулась, но тут же посерьезнела:

– Теперь вам придется платить за свое проживание. Вы будете помогать господину в делах, выполнять его поручения. Но не переживайте, я возьму на себя все, что смогу.

Я сжала пальцы на покрывале, ощущая, как внутри растекается странная, тягучая смесь облегчения и тревоги. Чего только не привидится... Но почему этот сон продолжается

из ночи в ночь, будто живая история, разворачивающаяся по своим законам?

Если бы только знать, что случилось со мной на самом деле. Где я сейчас? Жива ли? И как там Тимур? Никто ведь не догадается заглянуть в мою сумку, достать статуэтку и отнести ему в палату. Он подумает, что я его обманула...

И родители... Они ждут меня на новогодние праздники. Сразу после у папы назначена операция, а его и так еле уговорила.

Я тяжело вздохнула.

Тео... Красивое имя. И мальчик такой милый.

Мой сын...

Если бы это было правдой.

Агата прервала мои мысли своим задорным голосом.

– Нам нужно спешить, госпожа Анна, – живо объявила она, открывая сундук и принимаясь доставать платья. – Надевайте это.

Я с трудом выбралась из-под теплого, хрустящего одеяла и недоверчиво посмотрела на предложенный наряд. Тяжелое платье с рюшами, длинные рукава с тонкой вышивкой... Слишком нарядно, театрально. И в то же время – ткань на ощупь вполне современная.

Странно.

Этот сон словно подчинялся логике, выстроенной кем-то с особой тщательностью. В первый раз меня поразило, что наряды были сшиты из современных тканей, и теперь – сно-

ва то же самое. Все детали быта неизменно повторялись, как будто мир сна существовал по строгим, заранее установленным правилам.

Но ведь это всего лишь сон. Разве не так? А во сне все должно быть приблизительно, размыто, с нелепыми несоответствиями.

– Госпожа Анна? Где же вы?

– У тебя есть что-нибудь попроще? И поизящнее, – я нахмурилась, глядя на громоздкое платье.

Агата резко обернулась, сузив глаза.

– Вы точно ударились головой, – пробормотала она, но я лишь пожала плечами, не удостоив ее ответом.

Она вздохнула и продолжила копаться в сундуке.

– Ваши родители уехали на источники, чтобы подлечиться, – сказала она, скользнув взглядом в мою сторону. – Перед отъездом попросили передать, чтобы вы были умницей. Так вот, постарайтесь.

Через секунду в ее руках появилось другое платье – небесно-голубое, с аккуратным круглым вырезом и плавными линиями силуэта. Совсем не похоже на наряд придворной дамы – скорее, его можно было бы надеть на корпоратив или ужин в ресторане.

– Это подойдет? Правда, раньше вы хотели, чтобы я его выбросила...

Я взяла платье, провела пальцами по мягкой ткани и усмехнулась:

– Молодец, что не послушала.

Агата фыркнула, но в ее взгляде мелькнуло удовольствие. Я оделась. Все казалось странным, но протестовать было бессмысленно. Вскоре мы покинули дом и направились к машине, груженной сундуками. Вот уж чего я не ожидала...

Это было что-то странное, нечто среднее между старинной каретой и современным транспортным средством. Огромные, как у трактора, колеса, поддерживали массивный корпус, покрытый темным металлическим слоем, который блестел в лучах утреннего солнца. На боках машины виднелись странные устройства, похожие на рычаги и трубы, которые, казалось, не имели ни начала, ни конца. Вмятины и царапины на корпусе свидетельствовали о долгих годах службы, но при этом машина не выглядела старой, скорее... живой. Несколько свисающих канатов, напоминающих руки с разлапистыми кистями, создавали ощущение, что она вот-вот оживет, сама запихнет пассажиров внутрь и тронется без всякой помощи.

– Это еще что? – я ткнула пальцем в железного зверя.

– Как что? Грузовой пегас вашего отца.

– Грузовой что?

Я рассмеялась. Это уже почти галлюцинации.

– Пегас...

– И он ездит?

Агата выглядела такой растерянной, что мне даже стало ее жаль.

– Ладно, – добавила я, – Седлай своего пегаса.

Дом на холме встретил нас тяжелым молчанием. Я шагнула внутрь, приветливо кивая слугам, но никто даже не улыбнулся. В воздухе повеяло холодом – не физическим, а каким-то более глубоким, отстраненным, словно в этом месте что-то давно умерло, оставив после себя лишьдвигающиеся тени.

– Что происходит? – шепотом спросила я у Агаты.

Та округлила глаза и тихо проговорила:

– У вас и правда провалы в памяти после обморока...

Я не успела ответить. Мы оказались в той самой темной гостиной, где были в прошлый раз. Ледяные стенки камина тускло сверкали голубым, но не подавали никаких признаков жизни. Я огляделась, и внутри что-то болезненно сжалось. Мрачно, печально. Думаю, если просидеть в такой комнате целый день, к вечеру начнется депрессия, а у психотерапевтов из нашего диагностического центра наконец-то закончится время на бесконечные чаепития. Я горько усмехнулась.

– Слишком темно... – пробормотала я и направилась к окну, чтобы раздвинуть шторы.

– Не стоит этого делать. – Услышала женский голос.

Обернувшись, увидела красивую даму с гладко убранными волосами, в темном платье и массивном сверкающем ожерелье. Она держала в руке крупное красное яблоко. Ее взгляд казался испытующим, и по спине у меня пробежал

холодок.

– Хочешь? – спросила она, протягивая мне сочный фрукт.

– Нет, спасибо. – ответила я и добавила: – Почему я не могу открыть шторы?

– Эйдану это не понравится.

В ее голосе звучала насмешка, но глаза оставались настояженными. Что-то в ней беспокоило меня, но я не могла понять, что именно.

– Кто вы? – наконец спросила я.

Женщина удивленно приподняла изящную бровь.

– У госпожи провалы в памяти после обморока, – вставила Агата, бросая на меня тревожный взгляд.

Незнакомка улыбнулась.

– Ох, какая неприятность... Я Эрика. Дальняя родственница Эйдана. Живу здесь. Не помнишь? – Она слегка качнула головой, будто раздумывая, а затем добавила: – Мы с тобой были лучшими подругами. До тех пор, пока ты... – Она запнулась, но затем продолжила, внимательно наблюдая за моей реакцией. – Пока ты не начала искать приключений на стороне. – многозначительная пауза. – Конечно, я не могла этого терпеть. Я всегда буду на его стороне. Всегда буду ему помогать.

Я замерла, ошеломленная. Мои губы чуть приоткрылись, но слова исчезли.

– Госпоже нельзя нервничать, – шепнула Агата, беря меня за руку.

В этот момент в камине вспыхнуло настоящее пламя, и в гостиную вошел Эдик... нет... Эйдан.

– Я не просил тебя о защите, Эрика. – раздался знакомый, глубокий голос.

Эйдан стоял у входа, его лицо не выражало ни удивления, ни гнева, лишь бесстрастное ожидание.

Сон утратил легкость, растянувшись в мучительно долгую пытку. Эйдан оставался неподвижен, но его взгляд был таким тяжелым, что казалось, он не просто наблюдал – он проникал в самую глубину сознания, выискивая ответы, которых у меня не было, да и вопросов я не знала. В его глазах застыла безмолвная настойчивость, холодная и неотвратимая, как ледяная глыба.

– Ты вернулась только благодаря сыну. Помни об этом. Но теперь тебе придется отрабатывать свое пребывание в моем доме. Забудь о такой роскоши, как безделье. Я не допущу прежних ошибок.

Его слова звучали ровно, бесстрастно, но в них звенела сталь. По спине пробежал озноб. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки – жест бессильного сопротивления. Но я не могла возразить. Не могла оправдаться. Да и в чем? Он говорил с абсолютной уверенностью, словно истина лежала у него на ладони. Только вот он даже не догадывался, что сам не настоящий.

– Ты будешь работать в мастерской, – продолжал он. – По-

ставки льда, учет заказов... Все, что я скажу.

Мне хотелось усмехнуться. Хотелось сказать, что все это – лишь бред разума, тягостный сон, от которого я вот-вот очнусь. Что стоит лишь моргнуть – и этот мир рассыплется, словно пыль на ветру. Но я молчала. В горле застрял ком, а сомнение тенью скользнуло в сознание. А вдруг я не проснусь? А вдруг это – единственная реальность, которая у меня осталась? Что, если я умерла?

– Думаешь, она справится? – насмешливо бросила Эрика, вмешиваясь в разговор, косо на меня поглядывая. – Ты же знаешь, я всегда готова...

Эйдан медленно повернулся к ней, и в его взгляде не было ни раздражения, ни гнева – только ледяное, бескомпромиссное безразличие. Эрика невольно помрачнела, ее плечи опустились, словно этот взгляд вычерпал из нее всю браваду.

– Если ты действительно хочешь помочь, Эрика, – спокойно сказал Эйдан, – просто ешь свои яблоки. Я разберусь без твоего участия.

Мне не хватало воздуха. Казалось, стены сдвинулись, давя на грудь, не оставляя места ни для вдоха, ни для мыслей. Я не знала, что делать.

– Анна, – голос Эйдана стал еще жестче, приобретая угрожающую четкость. – Иди переодевайся. Жду тебя в мастерской через час. Твоя комната теперь на первом этаже, как у всех работников.

Я смотрела на него, не понимая, что он от меня хочет.

Мир плыл перед глазами, и в этой зыбкости я уловила, как губы Эрики дрогнули в плохо скрываемом торжестве.

– Могу я увидеть Тео, – вырвалось у меня вопреки воле. Я не хотела просыпаться, не обняв его снова.

– Утром он вернется от бабушки.

Что же, ничего не поделать...

– Но где моя комната? – спросила я.

Эйдан наклонил голову, будто изучая меня.

– Анна, – проговорил он с нарочитой задумчивостью, – твоя служанка утверждает, что у тебя проблемы с головой... Хотя, возможно, ты просто притворяешься.

Его взгляд скользнул к Агате, и она тут же потупилась, сцепив пальцы в замке.

– Отведи ее, – бросил он, и Агата вздрогнула.

Комната была обставлена просто, и в этом, пожалуй, крылась ее главная прелесть. Порой покой можно найти даже в самых неприметных местах – если сумеешь укротить собственные эмоции и научишься слушать тишину. И я отлично справлялась с этим последние годы жизни с Эдиком.

Я огляделась, задержав взгляд на стеллажах со стеклянными дверцами. Там могли бы разместиться мои врачебные принадлежности... «Но это всего лишь сон», – напомнила я себе. Узкая, но чистая кровать у стены, напротив – еще одна, предназначенная для Агаты.

Я подошла к шкафу и выбрала простое льняное платье. Оно напоминало мне то самое, что прошлым летом я едва

не купила на маркетплейсе, но тогда оно показалось слишком дорогим. Забавно. Иногда желания должны сбываться, не так ли? Даже если только во сне.

Оставалось лишь терпеливо ждать – когда этот сон закончится или хотя бы приведет к какой-то вменяемой развязке. Я знала, что в реальности меня ждут с нетерпением – один дерзкий мальчишка на больничной койке и мои родители. Но знание это не давало мне возможности что-то изменить. Я была пленницей сновидения, запертой в его нереальных рамках.

Агата провела меня на задний двор, и, выйдя на улицу, я невольно замедлила шаг. А затем остановилась вовсе.

Передо мной раскинулся мир, созданный из льда и света. До самого горизонта тянулись ледяные деревья, их ветви гнулись под тяжестью фруктов, покрытых хрустальной коркой. По обочинам узких тропинок возвышались статуи, высеченные из льда. Они казались живыми – просто застывшими в мгновении. Ледяные фигуры отливали голубоватым светом, а хрупкие узоры инея придавали им еще больше загадочности. Казалось, что, если прислушаться, можно услышать их едва уловимый шепот, растворяющийся в воздухе. Вокруг искрились разноцветные ледяные цветы, словно драгоценные камни, наполняя воздух мелодичным перезвоном. Запах хвои смешивался со снежной свежестью, и у меня закружилась голова. Я не могла сдержать улыбку.

Осторожно коснувшись одного цветка, я услышала неж-

ный звон колокольчика. Лед оказался неожиданно теплым, он не таял от моей ладони. Внезапно с ближайшей елки прямо мне в руки прыгнула рыжая белка. Она устроилась на запястье, вперившись в меня внимательными, осмысленными глазами.

– Орехи выпрашиваешь? – с улыбкой пошутила я. – В следующий раз принесу. Если, конечно, еще буду здесь.

Инстинкт заставил меня поднять голову. Я почувствовала чей-то взгляд.

Посреди ледяного великолепия, среди искрящихся деревьев и звенящих цветов стоял Эйдан. Рабочая одежда, тесак в руке. Его глаза встретились с моими, и на мгновение на его лице мелькнула странная смесь эмоций – удивление... и что-то еще. Что-то, чего я не могла разобрать, но сердце сладко сжалось в груди.

– Ты... – начал он, но вдруг замолчал, сделав шаг навстречу.

Эйдан не произнес больше ни слова. Он молча приблизился, вынул из кармана фартука блокнот и небрежно бросил его мне. Я ловко перехватила его, чувствуя под пальцами гладкую, прохладную поверхность обложки. К ней была прикреплена необычная ручка, выточенная из чистого льда. В ее прозрачной глубине мерцали крошечные светлячки, словно плененные в хрупкой, хрустальной темнице.

– Записывай, – коротко бросил он, даже не взглянув на

меня.

Я перевернула первую страницу блокнота, ощутив под пальцами плотную, шероховатую бумагу. Казалось, будто ее поверхность покрыта невидимым инеем, и от каждого движения пальцев оставались тонкие, исчезающие узоры.

– Что именно записывать? – осторожно спросила я.

Эйдан усмехнулся.

– Список покупок. Завтра пойдешь на рынок, – в его голосе скользнуло нетерпение. – Не ради своего удовольствия, разумеется. Мне нужны новые резцы, серебряные пластины, порошок из звездного льда...

Он ненадолго замолчал, словно решая, стоит ли продолжать.

– И еще, – наконец произнес он, – заглянешь в магическую лавку. Там возьмешь кристаллы наполнения. Без них ничто не оживает.

Я быстро записала его слова, стараясь не упустить ни одной детали, хотя понятия не имела, что это за кристаллы. Магия казалась чем-то чуждым, далеким, непонятным. Да и зачем разбираться, если я должна вот-вот проснуться. По крайней мере, я на это очень надеялась.

– Кристаллы наполнения... – повторила я, пытаюсь осмыслить услышанное. – Они нужны, чтобы изделия... оживали?

Эйдан резко скосил на меня взгляд. В серо-голубой глубине его глаз мелькнуло раздражение.

– Не делай вид, что тебе это интересно, – процедил он,

сжав челюсти.

Я хотела возразить, сказать, что просто пытаюсь понять, но передумала. Спорить с ним было бессмысленно. Он явно настроен против меня и довольно сильно.

– А как называется этот город? – спросила я вместо этого.

Эйдан качнул головой, его губы дрогнули в усмешке. Вздыхнув, он лениво махнул рукой.

– Агата, просвети свою госпожу в ее невежестве, – произнес он с едва скрываемой насмешкой.

Агата тут же оживилась, и слова посыпались из нее, словно жемчуг из разорванного ожерелья:

– Ох, госпожа! Неужели вы и это забыли? Бедная вы наша! Это же Эсфира – город мастеров, жемчужина королевства Аркадена! Здесь соединяются магия и искусство, здесь творится настоящее волшебство! Маги и ремесленники создают удивительные вещи, которым нет равных во всем мире! А наш король... Ах, король! Он тоже родом из Эсфиры и владеет магией молний! Однажды, когда я ездила в столицу, я видела, как он запускал электрический шторм, и вы не поверите...

– Достаточно, – резко оборвал ее Эйдан.

Его ледяной взгляд пронзил Агату, и та мгновенно умолкла, будто ее язык сковало морозом.

Я перевела дыхание. Эсфира... Звучало, как волшебная сказка.

Я медленно шагнула к мастерской и заглянула внутрь.

Воздух внутри был свежим, как первый снег в горах, пропитанный дыханием зимы.

Повсюду стояли ледяные изделия: на столах, полках, даже на полу. Фигурки животных, людей, птиц – настолько живые, что, казалось, еще мгновение, и они зашевелиятся, стряхнув с себя застывший холод. Среди них – изящные сосуды, шка-тулки, тончайшие нити, сплетенные в узоры из хрупких снежинок. Без сомнения, здесь работал настоящий мастер, а может, и не один.

Но больше всего меня поразило другое.

На одном из столов стояли ящики, в которых ожидали отправки медицинские инструменты – точные, безупречно вырезанные, сверкающие прозрачным блеском.

Я замерла.

Щипцы, скальпели, зажимы – безупречные копии знакомых мне инструментов. Только сделанные из льда.

Я не удержалась и протянула руку, чтобы взять один из них.

– Не трогай.

Голос Эйдана прозвучал резко, обжигающе холодно, словно порыв арктического ветра.

Я вздрогнула, отдернула руку и встретила с его взглядом. Он стоял напротив, сжимая в пальцах ледяной резец – острый, тонкий.

Он шагнул ко мне, и в его глазах сверкнула темная, едва сдерживаемая ярость.

– Не строй из себя невинную овечку, Анна.

Я отступила на шаг, сбитая с толку.

– Я... я не понимаю...

– Если ты снова рассчитываешь набить свои ненасытные карманы за счет этого, – он показал на ящики, – то на этот раз не выйдет.

Его голос звучал низко, глухо, в каждом слове звенела угроза.

– Я просто хотела потрогать... Это же настоящее чудо!

Но он не слушал. Губы сжались в тонкую линию, пальцы крепче стиснули резец. Он надвигался.

Эйдан взмахнул рукой, и ледяные потоки, подчиняясь его воле, закружились вокруг меня, образуя вихрь. Воздух сгустился.

Я вскрикнула, ощущая, как холод пронизывает до костей, сковывает движения, обвивает ледяными оковами. Формировалось что-то похожее на капсулу, сжимающуюся, словно гигантская чаша, поглощая свет и звуки.

– Не надо! – закричала я, но мой голос утонул в кристальном звоне замерзающего воздуха.

Лед сомкнулся, заключив меня в прозрачную темницу. Я не могла пошевелиться. Оставалось только смотреть сквозь толстую стенку.

Эйдан стоял напротив, и его взгляд был безжалостным.

Глава 5

Внутри ледяной капсулы не было холода – лишь глухая, отрешенная тишина. Я осторожно провела пальцем по гладкой стенке, и на кончиках ощутила едва заметное покалывание, словно иней пытался впитаться в кожу. Свет полуденного солнца преломлялся в кристально чистых гранях, распадаясь на тысячи дрожащих искр, искажая очертания мира снаружи. Все казалось далеким и размытым. Теперь мне оставалось только смотреть и ждать.

Эйдан продолжал работать, словно меня рядом и не было. Он лишь изредка бросал короткий взгляд на капсулу, но упорно игнорировал любые попытки до него достучаться. Теперь я молча наблюдала за его движениями – точными, завораживающими. Пальцы ловко управлялись с резцом, и под их легкими, уверенными прикосновениями лед оживал, превращаясь в изящные елочные игрушки. В глазах защипало. Здесь тоже готовились к Новому году... Эйдан бережно прорисовывал контуры, сдувал снежинки с поверхности или припечатывал их вокруг замысловатых форм. Постепенно перед ним выросли целые россыпи фигурок – звезды, ангелы, ажурные шары. Затем он достал крошечный флакончик и осторожно засыпал что-то внутрь ледяных изделий. На глазах фигурки наполнились мягким сиянием, засверкали переливами голубого и серебристого. Хрупкие, но без-

упречно совершенные.

Я наблюдала за ним и злилась. Ненавидела за то, что запер, за то, что приходилось это терпеть, за его хладнокровное безразличие. Мне хотелось закричать, потребовать, чтобы он хотя бы взглянул на меня иначе – не как на досадное препятствие, а как на живого человека. Но Эйдан работал, не отвлекаясь ни на секунду. Постепенно я расслабилась. Я еще пыталась сопротивляться этому успокаивающему ритму, но веки становились все тяжелее, мысли путались, и вскоре я начала проваливаться в сон.

...Я увидела себя. Лежащую на больничной койке в белой стерильной палате. Сердце екнуло – неужели я вернулась? Все казалось таким реальным: ровный гул аппаратов, мягкий свет лампы под потолком, тонкий запах антисептика. Но стоило мне попытаться пошевелиться, как я поняла, что не могу. Я не чувствовала собственного тела. Здесь я была лишь тенью, немым наблюдателем.

В палату вошла новенькая медсестра – я еще даже не запомнила ее имя. Она сосредоточенно проверила капельницы, измерила давление, что-то записала в блокнот. Дверь снова приоткрылась, вошел кто-то еще и склонился надо мной. Я пыталась разглядеть лицо, но оно оставалось размытым...

Я резко очнулась – и сразу же почувствовала, как падаю. Ледяная капсула разлетелась на осколки, и я рухнула прямо в сугроб. Снежное облако взметнулось в воздух, оседая на

моих волосах и ресницах ледяными крупинками.

Я вскочила, стряхивая снег, и огляделась. Нет, я все еще здесь. Не в больничной палате, не в реальном мире – а в этом, полном магии и волшебства.

Взгляд метнулся к Эйдану, и злость вспыхнула с новой силой. Кулаки сжались, дыхание сбилось. Он даже не удостоил меня взглядом, как будто ничего не произошло. Как будто я просто часть интерьера его проклятой мастерской, всего лишь очередное ледяное изваяние.

Гнев бурлил во мне, готовый вырваться наружу. Я уже сжала кулаки, собираясь обрушить все накопившееся раздражение на человека, которого все называют моим мужем, но внезапно движение на краю двора привлекло мое внимание.

Сквозь вихрь снежных хлопьев вошел седовласый старик. Его фартук, испачканный инеем и стружкой, напоминал тот, что носил Эйдан. Он передвигался на нетвердых ногах, покачиваясь, словно держался из последних сил. Еще несколько неуверенных шагов – и колени подкосились. Он рухнул вперед, лицом в снег, оставив на белоснежной глади глубокий след.

Я бросилась вперед, но Эйдан среагировал быстрее. В одно мгновение он оказался рядом, осторожно перевернул старика и положил его голову себе на колени. Я скользнула рядом, сердце гулко стучало в груди. Мгновенно протянув руку, я приложила ладонь ко лбу – горячий. Слишком горячий.

Другая рука легла на шею, туда, где билась сонная артерия. Пульс был слабым, неровным.

– Он горит, – прошептала я, бросив тревожный взгляд на Эйдана.

– Не вмешивайся, – холодно ответил он. – Не строй из себя невесту кого.

Старика перенесли в мастерскую, уложили на широкий деревянный стол. Я тут же потребовала жаропонижающее, и Агата принесла лекарства. Пока она суежилась, я подошла к ящикам с инструментами. Руки сами находили нужное, двигались уверенно, привычно – настолько, что мне даже не пришлось задумываться.

– Уходи. Я сейчас же вызову доктора, – заявил Эйдан, мрачно наблюдая за моими действиями.

– Я и есть доктор. – усмехнулась я.

Эйдан уставился на меня, как на сумасшедшую.

– Послать за врачом! – резко приказал он слугам, добавив после короткой паузы: – И для нее тоже.

Но мне было не до него. Я уже нашла то, что искала.

Ледяной фонендоскоп засветился мягким магическим светом, стоило только к нему прикоснуться. В другой руке серебристыми искрами переливался медицинский фонарик. Я взглянула на Эйдана – его лицо вытянулось от удивления, но я не собиралась ничего объяснять. Вместо этого я направила луч света в глаз больного, затем в другой, проверяя зрачковый рефлекс, а после прослушала сердце и легкие.

– Дыхание затруднено, – пробормотала я. – Не исключая пневмонию. Нужно срочно обследовать. И лучше бы раздобыть антибиотики.

– Уйди и не мешай, – огрызнулся Эйдан, когда в комнату вошел врач.

Я отошла в сторону, наблюдая, как он повторяет все мои манипуляции. Через несколько секунд он выпрямился и снял перчатки.

– Она права. Но, к сожалению, антибиотики не помогут. Это магическая лихорадка.

Он достал из сумки несколько масок, надел одну на себя и протянул нам остальные. Я молча взяла одну, наблюдая, как больного уносят в дом.

Глянула на фонендоскоп в моих руках, затем на Эйдана.

– Оставь его мне. И фонарик тоже.

– Нет. – проговорил он твердо.

Я усмехнулась, небрежно повесила фонендоскоп на шею, спрятала фонарик в карман и с нарочитой вежливостью, произнесла:

– Спасибо.

Эйдан потерял дар речи.

Профессиональный голод не давал покоя, и я то и дело находила предлог заглянуть в комнату, куда поместили больного. Осторожно приоткрывая дверь, прислушивалась к его дыханию, наблюдая за малейшими изменениями. Доктор

сначала смотрел на меня с подозрением, словно я вот-вот собиралась сотворить нечто неразумное. Но после того как я несколько раз сделала точные замечания, его взгляд стал менее колючим. В какой-то момент я даже уловила намек на уважение.

Однако стоило разговору зайти о магических болезнях, как я терялась. Мне не хватало знаний, опыта – все это было для меня чужим и неизведанным. Разум искал логику, но магия вносила свои коррективы. Темный лес и топи через шаг...

– Возьмете меня в ученицы, если не исчезну, а, доктор? – спросила я, наблюдая, как он аккуратно раскладывает на столе разноцветные пузырьки и мешочки с травами.

Доктор замер, задумчиво почесал затылок, затем скользнул по мне цепким взглядом.

– Куда же вы исчезнете, госпожа Анна? – в его голосе слышалась сдержанная насмешка. – Впрочем, вы, должно быть, шутите.

– Только отчасти, – я улыбнулась, но пояснять ничего не стала. Того и гляди упекут в какой-нибудь местный дурдом. Не нужно мне такое приключение. – А учиться я и правда хочу.

Доктор пожал плечами, скрестив руки на груди.

– Я не уверен... А что вы умеете?

– Я педиатр. Разбираюсь в фитотерапии, а еще...

Я осеклась. Лицо доктора застыло, словно я только что

призналась, что умею воскрешать мертвых. В его глазах мелькнуло то ли сомнение, то ли испуг.

– И все это вы можете? – переспросил он, неуверенно кивая и спотыкаясь на каждом слогe.

Судя по выражению лица, он мне не верил. Ни единому слову. Смотрел так, будто я сама нуждаюсь в срочной медицинской помощи.

– У нее провалы в памяти, – раздался за спиной густой голос Эйдана. – И еще она помешалась. А может, просто притворяется. Вот только зачем – непонятно.

Я сжала губы, но промолчала.

– К тому же она очень занята в моей мастерской, – продолжил он. – И Тео утром возвращается. Пора бы ей вспомнить о своих материнских обязанностях.

– Провалы в памяти... Тогда все ясно, – протянул доктор, кивая самому себе.

Я уже мысленно отпраздновала поражение. Но неожиданно он добавил:

– Хотя... вы знаете... Если вы позволите ей у меня учиться хотя бы час-другой в день, возможно, я смогу помочь и ей.

Я удивленно вскинула голову. Казалось, доктор намекал, что собирается «лечить» мою голову, но если это даст мне шанс учиться у него – пусть так! В груди снова вспыхнул огонек надежды.

– Вы не пожалеете! Клянусь! – выпалила я, сгорая от нетерпения.

Доктор задумчиво перевел взгляд на Эйдана:

– Не будет ли господин против?

Эйдан усмехнулся.

– Забирайте. Два часа в сутки она ваша. Посмотрим, как быстро вы вззоете.

Сделано! Я едва удержалась, чтобы не подпрыгнуть от радости. Все складывалось лучше, чем я ожидала.

А утром приехал Тео.

Я и представить себе не могла, что чужой ребенок способен пробудить во мне такую бурю эмоций. Но стоило мне его увидеть – и каждая клеточка ожила, будто вспыхнула от прикосновения к кому-то родному. В груди лопнула натянутая струна, выпуская наружу странную, непрошеную боль. Сердце сжалось, дыхание сбилось, а слезы потекли сами собой.

Я знала, что Тео не мой сын. Но когда я обняла его, тело вспомнило. Вспомнило его тепло, его запах, тяжесть маленьких рук на моей спине.

Каждой клеткой. Каждой каплей крови.

И от этого стало только горче.

Этот пятилетний мальчишка – единственный, чью потерю я буду оплакивать после пробуждения. Если бы только я могла забрать его с собой...

– Mamочка, я так скучал! – его голос звенел от счастья.

Я задохнулась от эмоций. Обняла его крепче, уткнулась носом в мягкие, теплые волосы, вдохнула до боли знакомый, родной запах? И теперь уж подумала, что и правда сошла с

ума, но не могла остановиться. Осыпала горячими поцелуями его щеки, нос, лоб, но этого было мало – я хотела запомнить каждую его черточку, каждый вздох.

Горло сжалось, и ни слова не сорвалось с губ. Все, что я могла – это держать его, пока маленькие ручки обвивали меня в ответ.

Я чувствовала взгляд Эйдана. Осторожный, напряженный, полный непонимания... и, возможно, даже боли.

И только теперь заметила Эрику. Она стояла у окна, лениво переминаясь с ноги на ногу и жуя яблоко, а потом усмехнулась:

– Ну и актриса! Хочет дополнительные баллы заработать. Эйдан, будь начеку!

Но мне было все равно.

В этот момент существовали только мы с Тео.

Весь день мы провели вместе. Тео не отходил от меня ни на шаг, словно боялся, что я снова исчезну. Я ловила его восторженные взгляды, слушала бесконечные истории и смеялась, будто эта сказка могла длиться вечно. Эйдан, видимо, не так уж бесчеловечен – он ни разу не позвал меня в мастерскую, дав возможность насладиться общением с Тео.

А на следующее утро мы отправились на базар. Отличная компания: я, Тео и Агата. В правом кармане – список покупок от Эйдана, в левом – поручения от доктора, а в голове крутились мои собственные планы.

Если бы я только знала, что наша прогулка затянется до

самого вечера, то непременно взяла бы с собой не только кошелек, но и пару амулетов наудачу – ведь вокруг царила магия. День оказался долгим, насыщенным и, как выяснилось позже, полным неожиданных встреч.

Глава 6

Город искрился огнями, словно сотканный из волшебства. Снег, припорошенный свежей магической пылью, переливался под первыми лучами солнца, а воздух был густо насыщен пряными ароматами – корицы, горячего шоколада и хвои. Мы двигались по извилистым улочкам, ведущим к центральной площади, где раскинулся оживленный базар. Тео шагал между нами, крепко сжимая мои пальцы в одной руке, а в другой – ладонь Агаты, с восторгом впитывая каждую деталь этого сверкающего, шумного мира.

На улицах то тут, то там я замечала примятый снег. В какой-то момент любопытство взяло верх, и я, больше не сдерживаясь, спросила:

– Почему он такой?

– Недавно закончился Зимний фестиваль звезд, – пояснила Агата, покачав головой, словно снова поражаясь моей забывчивости. – Его всегда проводят перед Новым годом. Когда небо безоблачно, люди выходят наблюдать за метеорами: расстилают клетчатые пледы прямо на снег и ложатся, а маги-художники рисуют в небе светящиеся картины. Летом все то же самое, только на душистых луговых травах.

Я замерла, представляя это зрелище: бескрайнее звездное небо, таинственные огни, неспешные узоры магии, растворяющиеся в темноте.

– Волшебнo... – пробормотала я, чувствуя, как от одной этой мысли внутри разливается теплая, светлая грусть.

– Да... – с придыханием прошептала Агата, задумчиво глядя в небо. Затем, бросив на меня осторожный взгляд, добавила: – Ох, госпожа! Ваши проблемы с памятью, конечно, ужасны, но зато теперь я могу часами рассказывать вам что угодно, а раньше бы вы меня за это...

Она осеклась, словно поняв, что сказала лишнего, и сжала губы, ожидая моей реакции.

Я приподняла бровь.

– И что бы я сделала? – проговорила я с делано серьезным видом.

Агата нервно хмыкнула, но потом, уловив в моих глазах веселье, расплылась в хитрой улыбке. На мгновение между нами повисло напряженное молчание, а затем мы обе разразились смехом, звонким и непринужденным, подхватываемым утренним ветром.

– И все-таки, Агата, раз уж мне все равно пришлось здесь остаться... – начала я, но, заметив замешательство на ее лице, решила пока не касаться вопросов моего появления. – Ладно. Просто скажи, почему Эйдан так зол на меня?

Агата мгновенно изменилась в лице.

– Простите, госпожа, но говорить об этом строго запрещено.

– А если я поклянусь, что никому не расскажу?

– Пожалуйста, не просите... – голос ее сорвался, в глазах

вспыхнул настоящий страх.

Я хотела было продолжить расспросы, но передумала. Эту тему тоже пока лучше не трогать.

– Мама! Мама! – Тео нетерпеливо тянул меня за подол, его глазенки сияли от восторга. Он вытянул руку, указывая пальчиком куда-то в сторону.

Я обернулась и тут же замерла. Рыночная площадь кипела жизнью. На небольшом деревянном подиуме выступали уличные артисты: маг, ловко жонглировавший пламенем, которое рассыпалось в воздухе тысячами искр, акробаты, парившие над землей в невидимых потоках магии, и девушка в разноцветном наряде, которая играла на серебристой флейте, а вокруг нее плавали в воздухе тонкие ледяные ленты, переливаясь, как северное сияние.

– Ты только посмотри! – выдохнула я, зачарованно следя за происходящим.

Но стоило нам сделать пару шагов в сторону, как перед глазами открылось еще более завораживающее зрелище. Лавки ломились от товаров: от сверкающих магических безделушек до мягких шерстяных шарфов, окутанных ароматом лаванды. Торговцы наперебой зазывали покупателей, предлагая теплые пряные напитки, пироги с карамелью и загадочные эликсиры, якобы приносящие удачу.

Тео тут же забыл про артистов и восторженно потянул меня за руку к прилавку, где в хрустальных вазах горками лежали засахаренные фрукты. Агата, наблюдая за моими пора-

женными глазами, усмехнулась и хмыкнула:

– Добро пожаловать на настоящий базар, госпожа. Неужели городская жизнь так впечатляет нашу гостью? – поддела она меня.

– Еще бы! – рассмеялась я, подхватывая ее шутивный азарт. – А что это за вывески?

Я кивнула на объявления, прикрепленные к фонарным столбам. Некоторые из них были украшены магическими символами, переливавшимися в утреннем свете, другие – покрыты рваными метками, словно кто-то уже сорвал кусочки с адресами.

– Магические состязания, – пояснила Агата, скользнув взглядом по знакомым надписям. – В нашем городе обожают соревнования, особенно между праздниками. А вы, наверное, еще и Гонку на крылатых не помните?

Я покачала головой, чувствуя, как внутри шевельнулось нечто – слабый отблеск памяти или просто предчувствие, но тут же стряхнула наваждение.

– Раньше вы ее ненавидели, – добавила Агата, хитро прищурившись. – Не удивлюсь, если теперь наоборот.

– А что это за гонка?

– Гонка на крылатых львах и драконах, – с улыбкой пояснила она. – Захватывающее зрелище. Тут важно не только, кто быстрее, но и насколько искусно наездник управляет своим существом.

Я почувствовала, как внутри загорается искра любопыт-

ства.

– Обязательно своди меня туда.

Агата всплеснула руками.

– Чудеса, да и только!

– Это город у вас чудесный! – восхищенно воскликнула я, но, заметив, как Агата округлила глаза, тут же поправилась: – В смысле... у нас. Да. Эсфира удивительна!

– С этим не поспоришь, – усмехнулась она.

Я скользнула взглядом по фасадам домов и зацепилась за вывеску уютного кафе. На двери красовалось объявление: «Здесь можно поучаствовать в магических дебатах. Темы ближайших дней:

Сегодня: Кто круче: маги-алхимики или ведьмы-зельевары? Вечный спор о том, кто готовит самые мощные зелья: ученые или народные мастера. Разрешается приносить собственные зелья в качестве доказательств (на свой страх и риск).

Завтра: Если ты случайно превратил друга в жабу, кто виноват: ты или друг? Этические дебаты о магической ответственности. Можно ли обвинять жертву за неправильную реакцию на заклинание?

Послезавтра: Зелья для роста волос: лучший ингредиент – паучьи лапки или перья феникса? Участники спорят, какой ингредиент для зелья роста волос обеспечат наилучший результат. Будут обсуждаться возможные побочные эффекты: ощущение паутины на голове от паучьих лапок, или горение

от чрезмерного волнения после применения перьев феникса (не идеальны для первого свидания!).

Я уже открыла рот, чтобы предложить зайти и освежиться лимонадом, но в этот момент почувствовала, как кто-то резко дернул меня за рукав.

Я обернулась.

Передо мной оказался высокий, худощавый мужчина с вытянутым лицом. В его темных глазах вспыхнуло странное нетерпение, а тонкие пальцы настойчиво указывали в сторону лавки за его спиной. Над дверью висела табличка:

«Оракул».

Сердце на миг остановилось, а затем забилось быстрее.

– Оракул? – переспросила я, чувствуя, как голос дрогнул.
– Тот, кто предсказывает будущее?

– Можно сказать и так, – мужчина улыбнулся загадочно, словно знал что-то, о чем больше никто не догадывался.

– Только он редко говорит понятно, – вмешалась Агата, подходя ближе. В ее голосе звучало явное раздражение. – Вечно несет какую-то заумь.

Но я уже шагнула внутрь.

Лавка оказалась тесной и темной. В воздухе пахло старой бумагой и чем-то пряным. Полки ломились от пыльных свитков, карт и магических шаров, мягко светившихся в полумраке.

За массивным столом сидел пожилой мужчина с пронзительными глазами. Он поднял голову, внимательно всмотр-

релся в мое лицо и медленно произнес:

– Ты ищешь путь домой, верно?

Агата фыркнула, скрестив руки на груди, но промолчала. Тео бесцельно бродил между полок, разглядывая всевозможные безделушки, покрытые многолетней пылью, осторожно касаясь тускло мерцающих артефактов. Я же не могла отвести взгляда от старика, который изучал меня так, будто читал открытую книгу.

– Что я могу тебе сказать... – протянул он, покачивая головой.

– Скажите что-нибудь важное, – не выдержала я.

Старик взглянул на меня поверх очков – внимательно, испытующе.

– Куда вы все торопитесь? – вздохнул он. – Ох уж это нынешнее поколение...

Я нетерпеливо отбивала ритм каблуком по деревянному полу, но Оракул явно не собирался спешить. Он продолжал смотреть на меня, словно проверяя, достойна ли я услышать желаемое.

– Все встанет на свои места, если ты найдешь Камень Врат, – произнес он, склоняясь ближе. Голос его прозвучал так тихо, что я едва расслышала.

В горле пересохло.

– Камень Врат? – переспросила я, чувствуя, как сердце забилось быстрее.

– Он связан с ловушкой времени, и только с его помощью можно разорвать петлю, – продолжил Оракул, не сводя с меня пронзительного взгляда. – Уж не знаю, почему с тобой это произошло, девушка, но еще все можно исправить.

Я затаила дыхание.

– Тогда я смогу вернуться домой?

Он не сразу ответил. Будто взвешивал что-то, размышлял. Потом, медленно и отчетливо, произнес:

– Я сказал, что все станет так, как и должно быть. А как должно быть – я не знаю.

Значит... я вернусь? Я сжала кулаки, вцепившись ногтями в ладони. Конечно, вернусь. Ведь это единственный правильный вариант. Правда?

– Где этот камень? – выдавила я.

Старик покачал головой, на губах мелькнула едва заметная улыбка. Он откашлялся.

– Этого я не вижу.

– Ну, конечно же, – пробормотала Агата, закатив глаза.

Но Оракул вдруг медленно поднял руку, призывая меня наклониться ближе. Я колебалась, но все же послушалась.

– Возможно, – прошептал он, – я смог бы разглядеть больше...

Он сделал паузу, выдерживая момент, затем склонил голову чуть набок и добавил:

– Но мне нужна плата.

Я нахмурилась.

– Какая?

– Расскажи мне о мире, откуда ты пришла, – его взгляд стал пристальным, изучающим. – О мире без магии. Мне доводилось слышать о нем, но увидеть... увы, не каждому дано. Что скрывается за его серыми стенами? Как течет там время? Какие тайны таятся в его сердцевине?

Агата моргнула, ошеломленно хлопая глазами.

– Да что за ерунда...

Но замолчала, поймав взгляд Оракула. В его глазах не было ни игры, ни насмешки – только глубокая, неподдельная жажда знаний.

Я медлила. Он предлагал мне сделку. И судя по всему, это был единственный способ получить больше информации.

– Ладно, – наконец сказала я.

Губы старика тронула легкая улыбка.

– Тогда говори.

Агата смотрела на нас в явном замешательстве, а Тео тем временем был увлечен исследованием лавки.

– И все же, – негромко произнес Оракул, когда я уже открыла рот, – помни: знания – это самая опасная валюта. Однажды рассказав секрет, ты можешь потерять больше, чем приобрела.

– Там многое, как здесь, – я пожала плечами. – Только нет магии.

Я начала рассказывать. О простых улицах и высотных зданиях, о мире, где законы природы заменяют чары, а чуде-

са рождаются не из заклинаний, а из науки. Оракул слушал жадно, впитывая каждое слово, словно редкий артефакт, который нельзя упустить. В его глазах вспыхивал огонь любопытства, но он не перебивал, только кивал, порой загадочно улыбаясь. А после рассказал, что лесной маг знает больше о Камне Врат, и я обязательно должна его навестить старого отшельника.

Я вскинула брови.

– Лесной маг? – переспросила Агата, – Вы имеете в виду того ворчливого старика с окраины?

– Именно.

Когда мы, наконец, вышли на улицу, яркий свет ослепил, заставив на мгновение зажмуриться. Вокруг кипела жизнь – люди смеялись, спорили, торговались, укутываясь в плотные плащи и согреваясь горячими напитками.

Агата шла молча, погруженная в свои мысли, ее привычная насмешливость уступила место растерянности. Тео, напротив, оживленно рассказывал что-то взахлеб, но я почти не слушала.

В моем сознании звучало только одно: Камень Врат.

Теперь у меня была цель.

Оставалось выполнить заказы. Завернув несколько раз, я шагнула в первую лавку, на которую указала Агата, и внимательно огляделась. Воздух здесь был густым, насыщенным запахами трав, специй и чего-то неуловимо магического, как будто только что прошла сильнейшая гроза прямо внутри

помещения. На полках теснились стеклянные флаконы, туго скрученные свитки, мешочки с порошками и травами.

Подойдя к прилавку, я развернула листок со списком.

– Вот, мне нужно это, – передала список лавочнику, пожилому мужчине с цепким взглядом.

Тот быстро пробежался по записям, кивнул и нырнул вглубь. Шорох, звон стекла, тихий перезвон колокольчика – и вскоре передо мной выросла аккуратно сложенная стопка снадобий и ингредиентов.

– Лекарю все необходимое: противовоспалительное, зелье от лихорадки, бинты, настой корня иглицы... – пробормотал лавочник, проверяя позиции. – А вот и заказ господина Эйдана. Будьте осторожны с этим порошком – сильнейшее средство, скажу я вам.

Я кивнула, укладывая покупки в сумку. Потом задумалась и скользнула взглядом по полкам.

– Мне еще нужно что-то от головной боли и жара, – сказала я, указывая на небольшой флакончик с янтарной жидкостью, где крупно было написано: при отравлениях. – И пожалуй, еще вот это...

Я добавила к покупкам еще пару пузырьков с настояками, которые могли пригодиться.

– Хороший выбор, – одобрил лавочник.

Расплатившись, я покинула лавку, ощущая приятную тяжесть сумки. Теперь все готово.

Агата шла рядом, прищурившись от солнечного света, но

вместо привычной болтовни она настороженно молчала, что само по себе уже было подозрительно.

Наконец, не выдержав, она бросила на меня быстрый взгляд и спросила:

– Ладно, что это вообще было?

– Что именно? – я сделала вид, что не понимаю.

– Не прикидывайтесь. – Она махнула рукой. – Этот странный разговор с Оракулом. Он говорил с вами, как будто вы не отсюда. Я бы поверила, что кто-то один сошел с ума, но сразу двое... К тому же вы теперь совсем не такая, я даже не боюсь требовать от вас ответа. О каком таком мире шла речь?

Я сжала пальцы на ремне сумки. Агата была не из тех, кто легко отступает, и уж точно не из тех, от кого можно так просто отмахнуться.

– Речь шла о мире без магии, – ответила я, стараясь не встречаться с ней взглядом.

Она фыркнула.

– Мир без магии? Ха! Разве такое возможно?

Я пожала плечами, но промолчала.

– Подождите-ка... – Агата резко остановилась и уставилась на меня. – Вы серьезно? Не в этом ли причина потери памяти?

В ее глазах мелькнуло нечто похожее на растерянность.

– Слушайте, – она наклонилась ближе, заговорщически понизив голос, – вы ведь не хотите сказать, что пришла из

другого мира? Но это и правда объяснило бы абсолютно все...

Я вздохнула, понимая, что теперь от вопросов не отвертеться. Да что же она такая активная?!

– Чуть позже я тебе обязательно расскажу, но давай не при Тео.

Агата взглянула на жующего конфету Тео, как будто только что о нем вспомнила и кивнула.

– А сейчас отведи меня к лесному магу, – добавила я. – Это очень важно!

*** 18

Чем дальше мы уходили от центра, тем больше сужались улицы, а дома, словно уставшие от прожитых лет, стремились слиться с землей. Их крыши кренились, ставни висели на одной петле, а каменные стены покрывала сеть тонких трещин, подобных морщинам на лице старика. Наконец, последние постройки остались позади, и перед нами раскинулся лес, окутанный густым, ледяным туманом. Деревья здесь казались выше, чем в городских парках, их корявые ветви переплетались в сложный узор, словно охраняя тайны, спрятанные в глубине. И все же, несмотря на кажущийся холод, вокруг было тепло – будто сама магия держала мороз на расстоянии.

– Он живет здесь? – спросила я, вглядываясь в темные силуэты деревьев, что тянулись вверх, словно исполины, готовые сомкнуть над нами кроны.

– Да, – кивнула Агата. – Если, конечно, он вообще согласится с нами говорить.

Дорога сужалась, влажный туман цеплялся за одежду, оставляя прохладные капли на коже. Пройдя еще немного, я заметила просвет среди деревьев, а за ним – поляну, усыпанную ледяными кристаллами. При каждом дуновении ветерка они издавали мягкий, чистый звон, сливаясь в мелодию, похожую на хрустальный перезвон колокольчиков. Льдинки мерцали голубоватым светом, казалось, они вобрали в себя отблески зимнего неба.

– Это подарок господина Эйдана ко дню рождения лесного мага, – пояснила Агата, заметив мой восхищенный взгляд. – Говорят, их звук приносит радость и гармонию.

Мы подошли к старому деревянному дому, который казался частью самого леса – стены темные от времени, крыша покрыта мхом вперемешку со снегом, а узоры, вырезанные на ставнях, напоминали древние символы. Тео толкнул калитку, и та с протяжным скрипом распахнулась, словно недовольно запуская нас внутрь. Мы переглянулись. Агата пожала плечами, а я глубоко вдохнула и шагнула вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.